ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b044

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПЕРЕВОДОМ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ В РОМАНЕ АНДРЕЯ ГЕЛАСИМОВА «ДОМ НА ОЗЕРНОЙ»

Силвия Петкова
Софийский университет им. св. Климента Охридского

OBSERVATIONS ON THE TRANSLATION OF DIALOGIC SPEECH IN ANDREI GELASIMOV'S NOVEL „THE HOUSE ON LAKE STREET“

Silvia Petkova
St. Kliment Ohridski University of Sofia

silvia_petkova@slav.uni-sofia.bg

The translation of dialogue speech units is examined based on Andrei Gelasimov's novel "The House on Lake Street" (2010), translated into Bulgarian by Vasil Danov (2011). The analysis focuses on approaches to conveying metacommunicative markers and formulas. Special attention is given to the techniques for rendering the speech mode in accordance with the speaker's intentions and with respect to the common usage of the target language. The results of this study may be useful for systematizing translation strategies that ensure the communicative equivalence of the original and translated text.

Key words: Russian, Bulgarian, translation strategies, metacommunicative markers, discourse formulas

Специфика перевода разговорного диалога заслуживает особого внимания с позиций коммуникативно ориентированной транслатологии. Непринужденность общения и ситуативная обусловленность значений диалогических единиц приводят к необходимости применять гибкие переводческие стратегии, направленные на передачу актуального смысла, порождаемого в динамике речевого взаимодействия.

В данном исследовании приемы, используемые при межъязыковом транслировании единиц, характерных для русского диалога, анализируются на материале романа Андрея Геласимова «Дом на Озерной» (2010 г.), который издан на болгарском языке в переводе Васила Данова (2011 г.).

Объектом анализа являются способы передачи на болгарский язык двух категорий метакоммуникативных диалогических единиц, придающих речи персонажей естественное звучание:

- метакоммуникативных маркеров: *(по)слушай/(по)слушай (те)* и *ты знаешь/вы знаете;*
- метакоммуникативных реплик: *Уж кто бы говорил, Да ладно тебе, Да погоди ты* и др.

Мы исходим из понимания, что метакоммуникация в диалогическом дискурсе направлена на обеспечение эффективного речевого обмена посредством осуществления процедур управления процессом взаимодействия с коммуникативным партнером.

I. Перевод метакоммуникативных маркеров

Метакоммуникативные дискурсивные маркеры (метакоммуникативы), вербализующие призыв к собеседнику, стремление привлечь его внимание к речи и оказать на него определенное иллокутивное воздействие, относятся к группе интеракциональных маркеров. Выступая как регуляторы диалогического взаимодействия, они обладают главными категориальными характеристиками метадискурсивных единиц языка: «их значение относится к процедурному типу»; «их основная функция является инструктивной»[1] (Стефчева 2020: 48).

Императивная форма 2 л. формы глагола слухового восприятия *(по)слушай(те*), выполняющая функцию метакоммуникатива, отличается особой востребованностью в диалоге (о чем свидетельствует и тот факт, что в анализируемом тексте она встречается 22 раза). Значение этой метадискурсивной единицы представлено в специализированном словаре структурных слов как «возглас, с помощью к-рого привлекают внимание для того, чтобы вступить в разговор, спросить о чем-л., предложить что-л. и т. п.» (Морковкин и др. 2003: 276).

В результате обработки текстового материала были выявлены разнообразные подходы к переводу маркера *(по)слушай(те).* Они

[1] Перевод цитат из исследований, опубликованных на болгарском языке, и словарных толкований из РБЕ (2002 – 2015) мой – С.П.

включают использование: 1) функционального аналога; 2) дискурсивного маркера с иной функцией; 3) семантически полноценного императива; 4) междометия; 5) междометия и частицы; 6) приема опущения.

Примечательно, что отсутствуют примеры перевода посредством семантического эквивалента – болг. *слушай(те).* Судя по всему, переводчик сознательно стремился не попадать в ловушку формального сходства, учитывая то обстоятельство, что употребление болг. *слушай(те*) гораздо более ограничено, чем рус. *(по)слушай(те).* Болгарский вводящий императив характерен только для авторитарных высказываний: порицаний, запретов (*Слушай, колко пъти ще ти казвам да гасиш лампата!, Слушайте, не може да се държите така!*).

1. Перевод посредством функционального аналога

Рассмотрим контекст, в котором десемантизированный метакоммуникатив *слушайте* выступает в функции предисловия к речевому акту (РА) репрезентатива, сообщающему о только что установленном неожиданном факте.

Девушка-подросток Женя взялась подстричь Николая, нового знакомого семьи, так, чтобы он стал похож на ее дядю Диму и предъявил на таможне его документы. Отойдя от Николая на шаг, она любуется своей работой.

(1) *р. – По-моему, получилось. Прическа точно такая же.*
Потом она пристально вгляделась в лицо Николая.
***– Слушайте**, а вы ведь вообще на Димку похожи.*
б. – Според мен, не е зле. Почти същата прическа.
После се взря в лицето на Николай.
*– **Чакайте**, ама вие наистина приличате на Димка!*

В качестве функционального аналога переводчик удачно выбрал метакоммуникатив *чакайте*, который отличается высокой частотностью употребления как маркер привлечения внимания адресата к внезапно возникшей новой мысли.

В русском непринужденном диалоге маркер *(по)слушай* может вводить и РА вопроса (рогатива).

В диалоге (2) соответствием маркера *послушай*, вводящего вопрос, является метакоммуникатив *виж какво*[2].

Мария обращается к мужу своей сестры, пытаясь обсудить с ним возникшую проблему в семье.

(2) *р. – Я не могу. Я сейчас занят.*

[2] На способность *виж какво* выполнять функцию десемантизированного вводящего императива обращает внимание Й. Тишева (Тишева 2020: 280).

– Послушай*… – порывисто начала Мария, но почему-то не смогла продолжать.*

Она стояла перед ним, опустив голову, и смотрела на его узкие длинноносые туфли <…>

*– **Послушай**, – опять начала Мария, отрывая взгляд от его туфель. – Ты можешь мне честно ответить на один вопрос?*

б. – Не мога. В момента съм зает с друго.

*– **Виж какво**… – силно пое въздух Мария, но не можа да продължи.*

Замря с наведена глава, загледана в тесните му обувки с остри носове <…>

*– **Виж какво** – отново подхвана Мария, като вдигна очи от обувките му, – можеш ли честно да ми отговориш на един въпрос?*

С учетом того, что *виж какво* служит маркером инициирования «некомфортного» для собеседника речевого хода, перевод следует признать адекватным.

В другом контексте *слушай* выступает как апеллятор, предшествующий РА косвенного побуждения, и снова его соответствием оказывается *виж какво*.

Тетерин и его жена Мария молча выходят из больницы. Супруг решился нарушить неловкое молчание.

(3) *р. – Ну что, на Озерную поедем? – наконец спросил он.*

– По Вале своей соскучился?

*– **Слушай**, ты можешь хотя бы сейчас не язвить?*

б. – Накъде, към „Езерна“ ли? – най-накрая попита той.

– За твоята Валя ли ти домъчня?

*– **Виж какво**, можеш ли поне сега да не се заяждаш?*

Маркер *слушай* вводит косвенный директив (‘перестань язвить’), оформленный как вопрос. Учитывая ситуацию конфликта между супругами, метакоммуникатив *виж какво,* звучащий резко и настойчиво, является подходящим аналогом. Отметим, что этот фокусирующий маркер активно употребляется для пресечения неприемлемых действий собеседника (*Виж какво, стига си ме разпитвал!*, *Виж какво, престани да се хвалиш!*).

Нами были зафиксированы два случая перевода анализируемой единицы посредством конструкции с участием императива *кажи*. Трансформацию метакоммуникативного призыва к восприятию речи в призыв к ответу можно рассматривать как реализацию приема смыслового развития: ‘услышав мой вопрос, скажи’.

В речи одной из героинь маркер *слышь* (просторечный вариант формы *слушай*) используется как метакоммуникатив, привлекающий внимание к последующему вопросу.

(4) *р. Томка нервничала из-за Юрки.*

*– **Слышь**, Степа, – сказала она мужу, забираясь в кабину, – а с Юркой-то чего делать будем? Может, скажем ему?*

– Чего скажем? – покосился на нее Степан.

б. Сърцето ѝ се свиваше заради Юрка.

*– **Кажи**, Стьопа – рече тя още щом седна в кабината, – какво ще правим с Юрка? Хайде да му кажем!*

– Какво да му казваме?

В данных дискурсивных условиях перевод посредством императива *кажи* успешно передает интенцию говорящей обязательно получить ответ от мужа, чтобы срочно составить план действий.

При переводе диалога Жени с ее двоюродным братом был применен весьма креативный подход: учитывая то, что *слушай* служит предисловием к вопросу на деликатную тему, переводчик идентифицировал реализацию фрейма «разговор по душам» и трансформировал аттрактор внимания в метакоммуникатив *кажи ми честно*, призывающий к откровенности.

(5) *р. Несколько секунд они помолчали.*

*– **Слушай**, я очень толстая? – неожиданно спросила Женька.*

– Не парься, – выдохнул дым Юрка. – Люди бывают разные.

б. Помълчаха.

*– **Кажи ми честно**, аз много ли съм дебела? – изведнъж попита Женка.*

– Не се коси – издуха цигарения дим Юрка. – Всякакви хора има.

2. Перевод метакоммуникатива посредством дискурсивного маркера с иной функцией

Интерес представляет зарегистрированный нами случай перевода метакоммуникатива *послушайте* маркером вежливости.

В тексте оригинала вводящий императив усиливает убедительность РА просьбы – говорящая апеллирует к врачу, пытаясь предотвратить осуществление его намерений.

(6) *р. – Давайте «Скорую» вызовем, – снова вмешался травматолог. – Они отвезут вас домой.*

– Нет у меня больше дома, – жалобно простонал Николай, повиснув на плечах Муродали и Степана.

*– **Послушайте**, не надо «Скорую», – заговорила Валя, опуская две сторублевые купюры в нагрудный карман врачу. – Мы его к себе домой отвезем. У нас места много. Спасибо вам большое.*

б. – Да се обадя ли за линейка? – предложи лекарят. – Ще ви закарат у дома.

– Аз вече нямам дом – жално изстена Николай, увиснал върху раменете на Муродали и Степан.

*– **Моля ви**, няма нужда от линейка! – намеси се Валя, като пъхна две банкноти от по сто рубли в горното джобче на лекарската престилка. – Ще го вземем у дома. Имаме достатъчно място. Много сме ви благодарни!*

Так как весь речевой ход придерживается подчеркнуто вежливой тональности и заканчивается выражением благодарности, переводчик принял удачное решение трансформировать исходный метакоммуникатив в маркер вежливости *моля ви*.

3. Контекстуальная замена метакоммуникатива на семантически полноценный императив

Заслуживает внимания и другое нестандартное переводческое решение – контекстуальная замена маркера *слушайте* на императив *вижте,* выступающий в своем прямом значении, как призыв к зрительному восприятию объекта.

Степан, его сын Юрка и его шурин Муродали пытаются войти в квартиру человека, обманувшего их семью. Квартира оказывается опечатанной, поэтому Степан начинает колотить в дверь ногой.

(7) *р. Муродали резонно заметил, что соседи могут вызвать милицию, а поскольку они там сегодня уже побывали, второй раз будет явным перебором.*

– И даже нахальством, – добавил он. – Нельзя людям так надоедать. У них и без нас много работы.

*– **Слушайте**, – неожиданно сказал Юрка. – А печати точно такие же, как на нашей квартире.*

б. Муродали му обърна внимание, че разтревожените съседи биха могли да повикат милиция и понеже днес вече бяха в участъка, второто им появяване там вече би било прекалено.

– И дори нахалство! – добави той. – Не бива така да досаждаме на хората. Те и без нас си имат достатъчно работа.

*– **Вижте!** – каза Юрка. – Печатите са същите като на нашия апартамент!*

Такой контекстуально обусловленный перевод возможен в силу того, что метакоммуникатив *слушайте,* маркирующий сообщение о

внезапно установленном факте сходства печатей, сопряжен с имплицитным призывом к собеседникам самим убедиться в этом сходстве.

4. Перевод междометием

В диалогическом единстве (8) представлен обмен репликами, происходящий при отсутствии знакомства, поэтому характерная для *слушай* (здесь – в просторечном варианте *слышь*) функция привлечения внимания собеседника выступает в чистом виде.

(8) *р. – **Слышь**, мужик, – сказал один из часовых, подходя к Муродали. – Шел бы ты отсюда.*

– Расслабься, боец, – ответил тот. – Я здесь учился пятнадцать лет назад.

*б. – **Ей**, мъжки – приближи се един от часовите, – не стой тук.*

– Спокойно, боецо – отвърна той. Учил съм тук преди петнайсет години.

Как частотный аттрактор внимания незнакомца в режиме невежливого общения, болгарское междометие *ей* оказывается коммуникативно равноценным соответствием просторечного *слышь*.

Тот факт, что в определенных контекстуально-ситуативных условиях метакоммуникативы и междометия являются взаимно заменимыми, свидетельствует о функциональном сходстве этих двух категорий.

5. Перевод посредством междометия и частицы

При наличии близкого знакомства метакоммуникатив *слушай* способен маркировать начало конфликтогенной реплики. Рассмотрим ситуацию, в которой было установлено такое употребление.

Таджик Муродали (бывший военный) быстро расправился с агрессивным парнем-скинхедом, с которым был и сын Томки (его свояченицы). Томка стала обвинять зятя в том, что он вступил в драку с неопытными пацанами.

(9) *р. – **Слушай**, ты чего устроил? – наехала на него Томка. – Нашел, с кем связаться. Мужик ведь здоровый! Иди, найди себе таких же лбов! Они же дураки просто…*

Муродали повернулся и пошел прочь, уводя с собой Гулю.

*б. – **Ей**, какво ти става, **бе**?! – скочи насреща му Томка. – Намерил пред кого да се перчи! Голям, як мъж! Върви си намери такива вратове като тебе! Тези са глупави момчетии…*

Муродали си тръгна заедно с Гуля.

Для передачи интенции негодования, заложенной в маркере *слушай*, переводчик воспользовался возможностью совместного употребления междометия *ей* и прагматической частицы *бе*. Инициальное меж-

дометие *ей* служит для привлечения внимания собеседника и одновременно предвещает коммуникативную напряженность, так как обладает окраской грубой фамильярности. Частица *бе* усиливает иллокутивную силу базового высказывания (косвенного экспрессива *какво ти става?*) и, так же как междометие *ей,* маркирует разговорную фамильярность с оттенком грубости. Актуализируемые под влиянием контекста экспрессивные семы частицы *бе* «неуважение к адресату» и «агрессия/угроза» (Лазарова 2014: 93) полностью соответствуют аффектированному состоянию героини, отраженному в ремарке *наехала на него Томка*.

6. Использование приема опущения

В тех случаях, когда *слушай* вводит вопрос, его опущение, как правило, не приводит к существенной потере смысла. Так, в переводе следующего микродиалога воспроизведение частицы *а*, которая в обоих языках употребляется в начале вопроса для привлечения внимания и побуждения к ответу, оказывается достаточным для передачи иллокутивного плана исходной реплики, снабженной метакоммуникативным зачином.

(10) *р. Димка подловил Томку на кухне, где она торопливо резала колбасу.*

– Слушай, *а где Мария? – спросил он сестру.*

– Да не знаю, – пожала плечами Томка. – Тетерин ей позвонил, она куда-то умчалась.

б. Димка се прокрадна към Томка, която режеше салам.

– А къде е Мария?

– Не знам – вдигна рамене сестра му. ***–*** *Тетерин ѝ звънна и тя хукна нанякъде.*

Если маркер *слушай* выполняет функцию интенсификатора побуждения, прием опущения может сопровождаться добавлением интенсификатора другого характера.

(11) *р. – Экологией, что ли, занимаетесь? – спросил он Юрку.*

– Ага, мусор убирают, – усмехнулся Степан. – Санитары городских улиц.

– ***Слушай****, кончай, а? – негромко сказал Юрка.*

б. – Да не би да е нещо, свързано с екологията?

– Аха, боклук събират – ухили се Степан. – Улични санитари.

– Престани ***най-сетне****! – тихо възрази Юрка.*

Переводчик компенсировал опущение инициального метакоммуникатива, добавив фазисное наречие *най-сетне* (*р. наконец*), которое в побудительных высказываниях выражает недовольство и нетерпение.

Обратимся к способам передачи на болгарский язык метакоммуникатива *ты знаешь/вы знаете*, который употребляется «с целью сосредоточить внимание собеседника на предмете разговора, придать доверительность высказыванию» (Морковкин и др. 2003: 276). Подобно маркеру *(по)слушай(те)*, данный метакоммуникатив находится в препозиции к базовому высказыванию, но, в отличие от него, глагол в нем представлен в вопросительной форме. Точнее говоря, здесь имеет место явление скрытой вопросительности, которое состоит в том, что вопросительность, выражаемая в устной форме посредством интонации, в письменной форме остается пунктуационно невыраженной (см. Кобозева и Захаров 1998).

В переводе романа А. Геласимова было установлено применение двух способов передачи метакоммуникатива *ты знаешь/вы знаете*: 1) посредством функционального аналога; 2) посредством опущения.

Так же как при *(по)слушай(те)*, не был выявлен ни один случай перевода посредством семантического эквивалента – болг. *знаеш ли/знаете ли*.

1. Перевод посредством функционального аналога

В роли болгарского соответствия маркера *ты знаешь/вы знаете* наиболее часто выступает метакоммуникатив в форме императива глагола зрительного восприятия *виж(те)* и *виж(те) какво.*

В диалоге (12) *ты знаешь* является предисловием к побуждению, которое снимает ответственность с говорящего. Тетерин дает себе отчет, что его речевой ход вступает в противоречие с желанием собеседника получить его согласие, и пытается смягчить негативный эффект своего высказывания, предваряя его метакоммуникативом. Благодаря пунктуационному маркированию последующей паузы выбранное переводчиком соответствие *виж какво* приближается по прагматической функции к русскому маркеру.

(12) *р. – Ну? – Димка нетерпеливо хотел от Тетерина согласия на что-то, чего тот не понимал.*

– Ты знаешь*… Поговори сначала с Марией… Такие вопросы я не решаю…*

б. – Е и? – Димка нетърпеливо очакваше от Тетерин съгласие за нещо, което той не бе разбрал.

– Виж какво*… Говори първо с Мария. Тези въпроси не ги решавам аз.*

Когда в вежливом разговоре в деловой ситуации *вы знаете* используется как инициальный маркер, вводящий сообщение неблагоприятной информации, его регулярным аналогом является *вижте.*

Тетерина вызвали в офис инвестиционного фонда, чтобы подписать документы. Пролистав несколько документов, сотрудница протягивает ему один из них.

(13) *р. – Вот, прочитайте и распишитесь.*

Усевшись напротив нее, Тетерин наморщил лоб и попытался сосредоточиться на печатном тексте. Однако буковки были такие маленькие, а слова из них получались такие громоздкие, что он покачал головой и робко посмотрел на девушку.

*– **Вы знаете**… Я плохо понимаю… Все эти финансовые термины… Вы не могли бы мне объяснить?*

Б. – Моля. Прочетете и се подпишете.

Седна на стола срещу нея и се опита да вникне в ситния текст. Но буквичките бяха толкова дребни, а текстът – толкова усукан, че скоро поклати глава и смутено вдигна поглед към момичето.

*– **Вижте**… Не разбирам… Толкова финасови термини… Бихте ли ми обяснили?*

Одновременно с интенцией сосредоточить внимание собеседника метакоммуникатив *ты знаешь/вы знаете* может выражать интенцию откровенно поделиться мыслями и найти понимание. Именно такая прагматическая функция реализуется в следующих двух микродиалогах.

(14) *р. – Ну, зачем об этом сейчас?*

*– **Ты знаешь**, – сказала старшая сестра, приподнимаясь на локте и заглядывая Вале в глаза. – Я, правда… Я очень радовалась, когда ты замуж вышла…*

б. – Няма смисъл да говорим сега за това.

*– **Виж какво** – по-голямата сестра се подпря на лакът и погледна Валя право в очите, – наистина… Аз наистина се зарадвах, когато се омъжи…*

(15) *р. Томка вздохнула и с легкой слезой в голосе повела свою сцену:*

*– **Вы знаете**, Николай, меня бросил муж…*

– А я здесь при чем? – удивился молодой человек.

б. Томка въздъхна и през сълзи разигра етюда си:

*– **Вижте какво**, Николай… Мъжът ми ме изостави..*

– Че аз какво общо имам?

Следует отметить, что в данных контекстах перевод аналогом *виж(те) какво* не является самым адекватным решением, так как этот маркер обычно звучит в ситуации коммуникативного конфликта. В (14) можно предложить семантический эквивалент *знаеш ли*, так как адресат действительно не подозревает о подлинных чувствах сестры и

семантический компонент ‘знание’ подлежит акцентированию. Что касается перевода (15), то в нем было бы уместно использовать маркер *вижте*, который звучит более мягко, ненавязчиво, чем *вижте какво,* и поэтому в большей степени соответствует прагматической функции метакоммуникатива *вы знаете* в реплике героини, собирающейся рассказать о своей личной драме.

В тех случаях, когда маркер *ты знаешь* призван создать атмосферу доверительности, подходящим вариантом перевода оказывается маркер откровенности.

Муродали разговаривает со своим давним другом – полковником, с которым учились вместе в военном училище.

(16) *р. – <…> Все чего-то делим, прижимаем друг друга. А где, спрашивается, интернационализм? Все, вон, Ленина теперь попрекают, а ведь он правильные вещи про национальный вопрос придумал. <…>*

Поняв, что его друг не на шутку завелся, Муродали решил прибегнуть к отвлекающему маневру:

*– **Ты знаешь**, Саня, а я в армии как-то привык думать, что национальность у меня – майор.*

б. – <…> Все има нещо да делим, все някой не е доволен. Къде изчезна интернационализмът? Днес на всички Ленин им е крив, ама по националния въпрос бе казал умни неща. <…>

Като видя, че приятелят му наистина се ядоса, Муродали предприе отвличащ маньовър:

*– **Честно да ти кажа**, Саня, в армията свикнах с мисълта, че истинската ми националност е майор.*

Избегая буквализм, переводчик остановил свой выбор на вводной конструкции *честно да ти кажа*, соответствующей коммуникативной установке исходной единицы. Тактика эксплицирования доверительности удачно вписывается в реализуемую говорящим стратегию возвращения разговора к более спокойной речевой тональности в стремлении сгладить «острые углы».

2. Использование приема опущения

Как свидетельствует перевод диалогического единства (17), в репликах ответа на вопрос опущение метакоммуникатива *ты знаешь/вы знаете*, не приводит к существенной потере смысла.

Увидев семью родственников с дорожными сумками в руках, Степан пытается выяснить причину такого поспешного ухода.

(17) *р. – А вы куда собрались? – удивился Степан.*

*– **Да ты знаешь**, решили пожить пока в училище, – ответил Муродали, стараясь не смотреть на Юрку. – Я обещал там ребятам семью свою показать. Заодно насчет работы узнаю.*

б. – Къде сте тръгнали? – изуми се Степан.

– Местим се във военното училище – обясни Муродали, като нарочно не поглеждаше към Юрка. – Обещах на колегите да ги запозная със семейството си, а и ще си потърся някаква работа.

Метакоммуникатив маркирует колебания, которые испытывает персонаж, пока решает, что сказать. Воздержание от откровенного ответа порождено нежеланием назвать действительную причину ухода из дома родственников. Отметим, что в другом контексте подходящим аналогом была бы разговорная частица *ами*, используемая «при выражении известного воздержания, страха, колебания в ответе» (РБЕ 2002–2015), но в устах бывшего военного она прозвучала бы неуместно. Следовательно, опущение метакоммуникатива можно считать оправданным.

Из анализа видно, что при транслировании метакоммуникативных маркеров невозможно рассчитывать на готовые решения. Установленное множество вариантов перевода свидетельствует о разнообразных нюансах смысла, которые накладываются на основное оперативное значение, связанное с регулированием процессов восприятия и понимания речи.

II. Перевод дискурсивных формул метакоммуникативного характера

Трудности перевода устойчивых метакоммуникативных реплик диалога обусловлены тем, что при передаче их функционально-прагматического содержания первостепенное значение имеет языковой стереотип (то, что принято говорить в целевой коммуникативной культуре в подобной ситуации).

Обработка текстового материала позволила установить четыре способа перевода метакоммуникативных дискурсивных формул: 1) использование семантического эквивалента; 2) перевод посредством семантического эквивалента с добавлением; 3) использование функционального аналога; 4) лексический перевод.

1. Перевод посредством семантического эквивалента

В некоторых случаях переводчик имеет возможность воспользоваться наличием в болгарском языке метакоммуникативной формулы, компонентный состав которой близок по семантике к русской устойчивой реплике.

Так, для передачи стереотипной реплики *Уж кто бы говорил,* произнесенной Женей в разговоре с двоюродным братом, был выбран семантический эквивалент *Кой го казва само.* Эта фраза не только составлена из полных соответствий ключевых компонентов исходной формулы – *кой* (р. *кто*) и *казвам* (р. *говорить*), но и тождественна ей по значению: ‘комментарий к словам собеседника, который, по мнению говорящего, не имеет морального права так высказываться’. Что касается различия в грамматическом оформлении двух устойчивых реплик (русская конструкция имеет форму сослагательного наклонения, а болгарская – форму вопроса), то оно оказывается пренебрежимо малым.

(18) *р. – Не парься, – выдохнул дым Юрка. – Люди бывают разные. Женька насупилась.*

*– **Уж кто бы говорил**.*

– В смысле? – Юрка посмотрел на сестру.

– У тебя же идеология, – насмешливо улыбнулась Женька. – Все должны быть одинаковые.

б. – Не се коси – издуха цигарения дим Юрка. – Всякакви хора има. Женка се нацупи.

*– **Кой го казва само**.*

– Тоест? – Юрка я изгледа втренчено.

– Според твоята идеология – подигравателно рече Женка – всички трябва да сме еднакви.

Этот вариант перевода соответствует коммуникативной стратегии иронии, отраженной в ремарке *насмешливо улыбнулась* к следующему речевому ходу, объясняющему мотивацию высказывания *Уж кто бы говорил*. Ввиду того, что исходная фраза является косвенным обвинением в лицемерии, можно предложить и другие эквиваленты в форме иронического вопроса к собеседнику: *Точно ти ли го казваш?* или *Точно ти ли намери да го кажеш?*

2. Перевод посредством семантического эквивалента с добавлением

Как известно, при передаче русских эллиптических конструкций на болгарский язык часто производится добавление подразумевающегося лексического компонента. В следующем диалоге такой трансформации подвергнута метакоммуникативная реплика *Ты что, серьезно, что ли?*

Дима объясняет своему шурину Степану, что ему нужна крупная сумма для очень выгодной сделки. Вполне резонно Степан задает вопрос, где взять такие деньги.

(19) *р.– Так о чем я и говорю, – натянуто засмеялся Димка. – Нужно заложить наши квартиры. Вот я свою, например, заложил.*

Степан даже уронил сигарету.

– Ты что, серьезно, что ли?

– Ну, конечно, – заторопился Димка. – Все просто!

б. – Точно това ти обяснявам – Димка се изсмя пресилено. – Ще ипотекираме жилищата си. Аз например ипотекирах моето.

Степан изтърва цигарата си.

– ***Ти сериозно ли говориш?***

– Разбира се – отвърна Димка. – Толкова е лесно!

Формула *Ты что, серьезно?* выражает сомнение в правдивости слов собеседника (ср. близкие по значению разг. *Ты что, шутишь?* и жарг. *Ты что, гонишь?*). Она служит призывом к собеседнику подтвердить истинность сказанного, поэтому предполагает ответ (в отличие от таких восклицаний неверия, как *Да ладно!*). Ориентируясь на эту дискурсивную особенность, переводчик добавил недостающий глагол *говориш*. Заметим, что воспроизведение эллиптической конструкции *Ти сериозно ли*? было бы менее удачным, так как в болгарской речи она функционирует как спонтанная реакция на неприемлемое высказывание, и ответ на нее не предусматривается.

Перевод посредством семантического эквивалента далеко не всегда возможен, так как большинство устойчивых реплик диалога характеризуются языковой спецификой. В анализируемом текстовом материале широко представлены болгарские соответствия, чья внутренняя форма не совпадает с исходной.

3. Перевод посредством функционального аналога

Рассмотрим фрагменты диалога, в которых русская формула передана сходной по прагматической функции болгарской формулой с иным компонентным составом.

Переводчик столкнулся с трудностью транслирования метакоммуникативной формулы *Да погоди ты,* выражающей интенцию героини прервать речь мужа и несущей эмотивный заряд сильного раздражения. Диалог происходит в аэропорту, у выхода для встречающих.

(20) *р. Мария нервно скользила взглядом по лицам прилетевших пассажиров, выискивая Димку.*

– Ну что ты волнуешься? – сказал Тетерин. – Он сам нас заметит.

– ***Да погоди ты****, – огрызнулась она.*

б. Нервният поглед на Мария скачаше по лицата на пътниците.

– Какво се тревожиш?! – успокои я Тетерин. – Той пръв ще ни види.

– Я стига! *– озъби се тя.*

Интерпретация актуального значения исходной реплики как ‘прекрати, ты мне мешаешь’ дает основание переводчику использовать дискурсивную формулу. в которой наречию *стига* (рус. *хватит*, *перестань*) предшествует интенсификатор – частица *я*. Эта частица не только усиливает побуждение, но придает ему резкую тональность. Принимая во внимание авторскую ремарку *огрызнулась она,* можно заключить, что прагматический заряд исходной формулы находит адекватное отражение в стереотипной реплике *Я стига!*

Важной характеристикой русских дискурсивных формул является импульсивность и повышенная экспрессивность.

В специализированном словаре устойчивых выражений разговорной речи представлено значение формулы *Да ладно тебе*, которое относит ее к средствам метакоммуникации: «3. Служит для прерывания речи собеседника» (Колосько и др. 2013: 30). В таком употреблении эта формула представлена в следующем диалоге.

(21) *р. – Я испугался? Ты чего, совсем?*

*– **Да ладно тебе**, – махнула рукой Женька. – У всех свои заморочки. Признайся, что твои нисколько не лучше моих.*

б. – Аз да съм се изплашил? Ти съвсем си превъртяла!

*– **Я стига!** – махна с ръка Женка. – Всеки си има слабо място. Признай си, че твоето не е по-добро от моето.*

Русская реплика, направленная на пресечение речевых действий собеседника, не несет напряженности, а выражает известное отстранение с оттенком пренебрежения. Об этом свидетельствует и жест (*махнула рукой*), сопровождающий осуществляемую посредством *Да ладно тебе* девалоризацию[3] реплики-стимула. Болгарская формула *Я стига!* снова оказалась подходящим аналогом исходной метакоммуникативной формулы, так как она принадлежит к числу наиболее частотных реплик, служащих для коррекции линии речевого поведения собеседника.

Приведем и другой пример небуквального перевода формулы метакоммуникативного характера.

(22) *р. – Я говорю, плащ старый, – поторопился объяснить он. – Да и я, в общем, тоже…*

– Другой купи.

Тетерин вздохнул:

– Дорого.

[3] Вслед за Е. А. Гришиной, мы понимаем девалоризацию как «разновидность глубинного отрицания» (Гришина 2017: 448).

Женька отвернулась к окну и, закрывая глаза, негромко сказала:

*– **Вот так всегда**.*

б. – Искам да кажа, че шлиферът е стар – обясни той припряно. – А и аз май също…

– Купи си нов.

– Скъпи са.

Женка се извърна към прозореца, затвори очи и каза тихо:

– Все едно и също.

Разговорная реплика *Вот так всегда* выражает недовольство тем, что определенные досадные события повторяются регулярно. В данном контексте формула приобретает метакоммуникативную функцию – посредством нее героиня сигнализирует о том, что, разговор с отцом снова развивается по знакомому, негативному (с ее точки зрения) сценарию. Использованный переводчиком функциональный аналог также имеет универсальный характер – он способен служить комментарием любых действий (как речевых, так и неречевых). Учитывая статусно-ролевые характеристики коммуникантов, можно считать, что формула *Все едно и също* адекватно передает все эмоционально-оценочные нюансы смысла исходной формулы, посредством которой девушка критикует речевое поведение своего отца.

3. Лексический перевод

Дискурсивная формула *Я в курсе* употребляется для указания на осведомленность говорящего о предмете разговора и, соответственно, на отсутствие необходимости дальнейшего предоставления информации. В диалогическом единстве (23) эту стереотипную реплику-реакцию произносит юноша, разговаривающий с матерью. Он просит ее дать ему взаймы деньги на видеокамеру, а она заявляет, что цена такой аппаратуры слишком высокая.

(23) *р. – Так она ж дорогая.*

*– **Я в курсе**, – пожал плечами Юрка. – Потому и прошу. Я просто не успеваю. Мне быстро надо.*

б. – Доста е скъпа.

*– **Знам**. Затова търся назаем. Закъснявам. Трябват ми спешно.*

В болгарском языке существует семантический эквивалент русской фразы – *В течение съм*. Это выражение, однако, характерно для официально-делового стиля коммуникации, поэтому, принимая во внимание статус и межличностные отношения собеседников, переводчик выбрал лексический способ передачи исходного значения – гла-

гольную форму 1 л. ед. ч. *знам*. Данный вариант перевода передает метакоммуникативный смысл оригинала без потерь и вместе с тем не нарушает естественное звучание речи персонажа.

Проведенный анализ показал, что учет речевой тональности, релевантных параметров коммуникативной ситуации и узуса болгарского языка играет ключевую роль при оценке уместности того или иного способа перевода прагматических маркеров и стереотипных реплик метакоммуникативного характера. На выбор переводного соответствия существенное влияние оказывает также информация о типе реализуемого РА и о его иллокутивной связи с соседними репликами диалога.

Зарегистрированное разнообразие подходов к передаче русских единиц диалога на болгарский язык дает нам основание считать, что их более широкое изучение на материале множества художественных текстов позволит выявить значимые закономерности и механизмы достижения смысловой и функциональной эквивалентности диалогической речи в оригинале и переводе.

Литература

Гришина 2017: Гришина, Е. А. *Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования)*. [Grishina, E. A. Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoj tochki zreniya (korpusnye issledovaniya).] Москва: Языки русской культуры, 2017.

Кобозева и Захаров 1998: Кобозева, И. М., Захаров, Л. М. О скрытой и смещенной вопросительности. [Kobozeva, I. M., Zaharov, L. M. O skrytoj i smeshhennoj voprositel'nosti.] // *Труды международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Казань: «Хэтер», 1998, 223 – 227.

Колосько и др. 2013: Колосько, Е. В., Попкова, Е. Д., Федотова, Н. С. *Учебный словарь устойчивых выражений русской разговорной речи.* [Kolos'ko, E. V., Popkova, E. D., Fedotova N. S. Uchebnyj slovar' ustoychivyh vyrazhenij russkoj razgovornoj rechi.] СПбг: РГПУ им. Герцена, 2013.

Лазарова 2014: Лазарова, А. Само ние ли говорим на бе? За семантиката и функциите на някои частици в балканските езици. [Lazarova, A. Samo nie li govorim na be? Za semantikata i funktsiite na nyakoi chastitsi v balkanskite ezitsi.] // *Български език*, 61 (2014),

№ 3. София: Издателство на Българската академия на науките (БАН) „Проф. Марин Дринов“, 90 – 101.

Морковкин и др. 2003: Морковкин, В. В., Луцкая, Н. М., Богачева, Г. Ф. и др. *Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова*. [Morkovkin, V. V., Lutskaya, N. M., Bogacheva, G. F. et al. Ob’’yasnitel’nyj slovar’ russkogo yazyka. Strukturnye slova.] Москва: Аст – Астрель, 2003.

РБЕ 2002–2015: *Речник на българския език*, т. 1 – 15. [Rechnik na balgarskiya ezik, t. 1 – 15.] София: Изд-во „Проф. Марин Дринов“, 2002 – 2015. <https://ibl.bas.bg/rbe > (12.10.2025).

Стефчева 2020: Стефчева, Р. Така да се каже или както се казва и проблемът за избора на езиковите ресурси. (Върху материал от българския и сръбския език). [Stefcheva, R. Taka da se kazhe ili kakto se kazva i problemat za izbora na ezikovite resursi. (Varhu material ot balgarskiya i srabskiya ezik).] // *Съпоставително езикознание*, № 3. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2020, 48 – 65.

Тишева 2020: Тишева, Й. Граматикализация и прагматикализация. [Tisheva, Yo. Gramatikalizatsiya i pragmatikalizatsiya.] // *Научни трудове на Пловдивския университет*. Филология, том 58, кн. 1, сб. А. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2020, 273 – 283.